
СЕЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИКЪ И ХОЗЯЙСТВО ¹⁾).

...„Едино же есть на потребу“.
(Еванг. Луки 10 гл. ст. 42).

Поучая своихъ пасомыхъ, священникъ часто ссылается на приведенный Евангельскій текстъ. „Врачу, исцѣлися самъ, съ успѣхомъ могли бы замѣтить намъ, или, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Примѣчаніе Редакціи. Помѣщая на страницахъ журнала эту статью, по вопросу, полному глубокаго жизненнаго значенія для пастырей Церкви, Редакція надѣется, что найдутся и противники авторскаго взгляда на священническое хозяйство, которые не замедлятъ освѣтить данный вопросъ въ журналѣ съ противоположной стороны. «Audiatur et altera pars».

многимъ изъ насъ, наши пасомые, и они попали бы не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Едва-ли кто изъ насъ не замѣтилъ, что хозяйство слишкомъ „засасываетъ“ священника; что оно отнимаетъ слишкомъ много пастырскаго досуга; что оно зачастую захватываетъ цѣликомъ и умъ и сердце служителя алтаря Господня, котораго дѣло проповѣдывать: „не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“, для котораго идеаль не Марса съ ея „попеченіемъ о многомъ“, но Марія съ ея „единымъ на потребу“, съ ея „благою частию, яже не отыметя отъ нея“. Всякому понятно, что проповѣдь есть слова, а слова остаются словами, если не вдунуть въ нихъ „душу живу“ — живой личный примѣръ. И какъ-бы ни красивы были эти слова, какъ-бы ни содержательна была проповѣдь, но если она не подтверждается жизнью проповѣдника, — она „есть гласъ вопіющаго въ пустынѣ“; „мѣдъ звеняща, или кимваль звяцай“.

Тургеневскій Рудинъ съ его краснорѣчіемъ, съ его вдохновенной проповѣдью о правдѣ, добрѣ и красотѣ не избѣжалъ неестественной характеристики „лишняго человека“, ибо не могъ, не умѣлъ и не желалъ воплотить въ личномъ подвигѣ собственнаго, хотя и красиваго слова.

Съ другой стороны, великіе проповѣдники, Учители Церкви стихійно увлекали за собой народную массу не только силой и красотой своей проповѣди, но личнымъ подвижничествомъ: „яко да видятъ ваша добрая дѣла и восхвалятъ Отца вашего. Иже на небесѣхъ“.

Итакъ, хозяйство, привязывая священника къ земнымъ сокровищамъ, отвлекаетъ его отъ „сокровища на небеси“ и тѣмъ препятствуетъ его слову быть „живымъ и дѣйственнымъ“. (Евр. 4 гл. 12 ст.).

Но защитники хозяйства священническаго находятъ, что въ хозяйствѣ священникъ можетъ обрѣсти и сокровища духа. Какъ это? Они приводятъ слѣдующія положенія: священникъ — хозяинъ ближе къ природѣ, слѣдовательно, ближе къ Богу; священникъ — хозяинъ ближе къ народу, слѣдовательно, имѣетъ возможность изучить его — узнать его нужды, радости и скорби, и, наконецъ, священникъ — хозяинъ можетъ стать пионеромъ улучшенныхъ методовъ земледѣльческой культуры и этимъ принести пользу своимъ прихожанамъ, черезъ примѣръ, достойный подражанія. Несомнѣнно, что къ такимъ копромисснымъ положеніямъ пришли, или чистые теоретики, или завязанные хозяева-священники, съ

головой ушедшіе въ хозяйство. Для меня же ясны и несомнѣнны слова Спасителя: „не можете Богу работати и мамонѣ“. (Еванг. Матѣ. 6 гл. ст. 24).

Разберемся-же въ этихъ положеніяхъ, отнесемъ къ нимъ съ безпристрастной критикой и посмотримъ, насколько хозяйство священника, особенно въ рамкахъ современныхъ условій, приближаетъ его къ Богу и народу, или, наоборотъ, утверждаетъ „пропасть велику“ между нимъ и Богомъ и народомъ?

Вотъ рано утромъ поднявшійся священникъ-хозяинъ буквально бѣжитъ на „дѣло свое и на дѣланіе до вечера“. Въ его сердцѣ тревога: начали-ли уже работу его рабочіе и правильно-ли работаютъ, исправны-ли орудія, нѣтъ-ли „потравы“, или другой какой-либо „шкody“; въ его мысляхъ хитроумные планы: изловить-бы деревенскаго браконьера на мѣстѣ его преступленія. Полноте! Гдѣ-же тутъ близость къ природѣ и Богу?! Гдѣ-же эти красивыя слова?! О, какъ сильно они поблѣднѣли передъ самыми часто пошлыми расчетами и заботами хозяина! О, какъ утренняя прелесть обновившейся за ночь природы, красоты неба и земли стусеивались и ушли въ тѣнь передъ выступившими на первый планъ тревогами хозяина! Вдругъ на лонѣ этой чарующей природы раздаются крики спора, перебранка и пререканія. Что это? Это хозяинъ, болѣющий душою за свое добро, вступаетъ за него въ словесное сраженіе и отравляетъ себѣ настроеніе на цѣлый день, а можетъ быть, и на нѣсколько дней. Не удивляйтесь. Хозяину, какъ таковому, немисливо относиться философски къ потерѣ и ущербамъ своего хозяйства. Но священника въ хозяинѣ мы уже не видимъ. Хозяйствовать-же спустя рукава—это убытокъ и еще большій соблазнъ. Но хотите созерцать Бога въ природѣ, хотите, по слову поэта, „счастье постигнуть на землѣ и въ небесахъ увидѣть Бога“, идите на лоно природы. Неужели для этого нужна непременно такая тяжелая обуза, какъ хозяйство съ его передрягами? Идите въ садъ и въ поле, вчитывайтесь въ вѣчную книгу Премудрости Божіей, и, если вы свободны отъ хозяйскихъ устремленій, то я заранѣе поздравляю васъ съ „благою частью“, которая „не отыметъ“ отъ васъ.

Такова близость къ Богу въ хозяйствѣ священника. Я привелъ только одинъ фактъ, и каждый изъ насъ согласится, что это не сгущеніе красокъ, но жизнь, какъ она есть. И что осталось отъ громкаго и красиваго положенія?!

Не основательно и второе положеніе зашитниковъ священническаго хозяйства. Оно гласитъ: священникъ хозяинъ—ближе къ народу, лучше знаетъ его, его жизнь, его нужды, радости и скорби. Безспорно, это важно для пастыря. Но къ какимъ границамъ эгого знанія приводитъ хозяйство. Недобросовѣстность и халатность рабочихъ, т. е. того же народа, да,—это скоро узнаетъ священникъ-хозяинъ. Стремленіе воспользоваться чужимъ, въ частности и преимущественно вашимъ, и это съ ужасомъ узнаете. Замѣтите нѣсколько случаевъ воровства—усилите контроль. Въ результатъ недоверіе и взаимное озлобленіе. Далѣе идутъ грубость и дерзости. Не упускайте-же изъ виду что это вашъ-же народъ, для котораго вы духовный отецъ. Легко-ли вамъ будетъ уже въ сферѣ духовнаго дѣланія разграничить духовное отъ земного, легко-ли вамъ будетъ не приносить въ область вашего пастырскаго дѣла счетовъ хозяйскихъ, легко-ли вамъ будетъ отрѣшиться отъ чувства простой мести повиннымъ противъ вашего хозяйства? Фактъ, что крестьяне, сдѣлавшіе матеріальный вредъ священнику, зачастую на исповѣди у того-же священника не сознаются въ своемъ грѣхѣ, даже если священникъ опредѣленно спрашиваетъ у нихъ о немъ! Не есть-ли это соблазнъ огромнаго моральнаго значенія?

Такимъ образомъ благополучное на первый взглядъ положеніе при зондированіи глубже оказывается далеко не благополучнымъ.

Наоборотъ, освободившійся отъ путъ хозяйства пастырь будетъ имѣть достаточно досуга походить по хатамъ, и тамъ передъ его взоромъ откроется жизнь народа. Туда онъ придетъ и съ словомъ утѣшенія, и наученія, и обличенія, и слово его будетъ „живо и дѣйственно“, ибо онъ будетъ говорить „едино на потребу“, самъ уже свободный отъ „попеченій о многомъ“.

Тутъ я перехожу къ третьему положенію: священникъ-хозяинъ-піонеръ культурнаго хозяйства, полезный новаторъ, благодѣтель народа. Не могу не сознаться, что это положеніе и мнѣ улыбается. Слишкомъ ужъ соблазнительныя перспективы рисуетъ оно, слишкомъ ужъ широкіе горизонты открываетъ, ради которыхъ хочется забыть неудобства хозяйства, указанные выше. Но съ грустью приходится учесть, что и этотъ „номеръ не пройдетъ“.

Ну, ведите образцовое культурное хозяйство при нынѣшнихъ условіяхъ хозяйствованія: при черезполосицѣ, при недобросовѣстности рабочихъ, при дороговизнѣ рабочихъ рукъ, при весьма

частой невозможности найти ихъ, при конкуренціи въ наймѣ рабочихъ съ фольварками и экономіями; этихъ „при“ можно привести длинную вереницу, и все таки главное не въ нихъ. Это главное, какъ „memento mori“, должно всегда стоять во весь свой высокій ростъ передъ нашимъ мысленнымъ взоромъ,—это наше прямое пастырское дѣло. И когда, увлеченный какою-либо культурной работой на полѣ, наблюдаете вы за планомѣрностью ея исполненія и чувствуете, что ваше присутствіе тутъ необходимо, *sine qua non*,—является прихожанинъ вашъ и просить васъ въ церковь, или къ больному. Вы спѣшите. Жалко вамъ покидать работу, чувствуете, что, въ ваше отсутствіе дѣло пойдетъ „какъ-нибудь“. Требу вы исполняете, какъ слѣдуетъ, ибо вы помните, что „проклять всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ“. Но когда вы приходите опять въ поле, то убѣждаетесь, что культурное дѣло сдѣлано несовсѣмъ культурно. Итакъ—что-же? Приемлемо-ли и это положеніе? Не дѣло-ли это культуртрегеровъ другого порядка? Не дѣло-ли это лекторовъ и культурныхъ станцій?

Такимъ образомъ сама жизнь (практика ея) приводитъ ad absurdum блестящія положенія защитниковъ священническаго хозяйства. Иначе и быть не можетъ, ибо построеніе ихъ производилось или „а priori“ лицами, стоящими вдали отъ деревни, а потому не находящимися въ курсѣ дѣла, или лицами, слишкомъ заинтересованными въ хозяйствѣ т. е. ярыми хозяевами-священниками, которымъ жалко приобрѣтений въ этой области и которые намѣренно закрываютъ глаза на тѣневныя стороны ея, или, наконецъ, лицами ужъ слишкомъ близорукими, которымъ еще не „у явился, что есть“. Въ томъ другомъ и третьемъ случаяхъ доводы эти сочинены, а не выдвинуты жизнью и существомъ дѣла.

Свящ. *Вл. Матвиуцк.*